

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ВОЛОСТЬ В ПЕРЕЯСЛАВСКОМ УЕЗДЕ XV в.

Настоящая статья представляет собой попытку вскрыть некоторые конкретные черты волости в Переяславском уезде XV в. — те черты, которые можно представить себе на основании современного, в основном актового материала. Этот материал вышел из стен монастырских архивов, чем и определяется его специфика. Читая монастырские акты один за другим, можно, пожалуй, прийти к заключению, что волости в Переяславском уезде почти не было: только местами попадает она в поле зрения в виде отдельных островков, окруженных феодальной стихией — вотчинами монастырскими, митрополичьими, боярскими.

Но вот перед нами документ немонастырского происхождения — единственное в своем роде описание, правда очень схематичное, длинной пограничной полосы Переяславского уезда. Это разъезжая 1504 г. М. В. Тучкова и дьяка В. Нефимова, учиненная по слову великого князя Ивана Васильевича по случаю передачи Дмитрова и Кашина в удел сыну Юрию.¹ На правой — переяславской — стороне линии разъезда разъезжая называет поименно всего 77 поселений, из них 23 принадлежат феодалам, а 54 являются деревнями волостными и станowymi: Закубежской волости, Пневицкого стана, Замытского стана, Волнинской волости. На левой — дмитровско-кашинской стороне — 66 поселений: 14 — в феодальных владениях, 52 — деревни Гостунской волости, юлоцкие и бортников юлоцких. Количественно, таким образом, волостные поселения значительно преобладают над феодальными. Большое значение имеет и взаимное расположение поселений. Деревни волостные и становые расположены то сплошной полосой, как в Псковитином Раменье Закубежской волости, то более или менее часто перебиваются сельцами и деревнями феодалов. Чем

¹ ДДГ, № 94

ближе к р. Нерли — важной водной артерии и к г. Переяславлю, тем больший удельный вес приобретает феодальная вотчина, раздробляя и оттесняя становые и волостные деревни и окружая их своими землями и угодьями. В лесистом и болотистом районе между Дубной и Кубрей, сравнительно далеко от феодальных центров — другая картина: среди черных деревень только кое-где мелькают поселения светских феодалов и маленьких безвестных монастырьков местного значения. Если судить по этой пограничной полосе, землевладение волостных людей — явление обыкновенное и широко распространенное.² О волостных землях в других районах уезда сведения отрывочны. Эти земли известны в Мишутинском стану (или волости), в крайнем западном углу уезда; в Кинельском стану (Площевская волость), в средней части уезда (бортная волость великой княгини и Аргуновская волость), в северо-восточной его части, за оз. Переяславским (волости Бармазовская, Гавинская и Заборская). Этот перечень, несомненно, далеко не полный.

* * *

Обычный формуляр жалованной грамоты, определяющей иммунитетные привилегии феодального владения, противопоставляет «людей» грамотчика «волостным людям» и относительно первых содержит два основных положения: «и тем людям... не надобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная некоторая пошлина» и т. д.; «ни наместници мои... ни волостели... и их тиуны к тем людям не всылают ни по что, ни судят их... ведает и судит их (грамотчик, — Ю. А.) или кому прикажет». Часто добавляется и третье положение: «ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни ставленое, на закосное, ни портное, ни к дворскому, ни к сотскому, ни к становщику не тянут ничем».³

Этот формуляр определяет негативным путем административно-правовое положение тех, у кого нет жалованной грамоты, — основной массы жителей волости. Эти люди, таким образом: «тянут» в дань, в писчую белку, в ям и в «иные пошлины»; наместники, волостели и их тиуны «всылают» к ним и судят их по всем делам; эти люди, наконец, «кормят коня княжого», косят сено и т. д., и, вообще, тянут и к дворскому, и к сотскому, и к становщику.

Перед нами — масса людей, не пользующихся никакими привилегиями: ни административными, ни судебными, ни по-

² Исследованию топографии переяславских волостей мы собираемся в дальнейшем посвятить отдельный очерк.

³ См., например, АСЭИ, т. 1, №№ 30, 44.

датными. Это просто «христиане великого князя», «люди волостные», как они себя называют в актах.

Один судный список конца XV в. словами «людей великого князя старожильцев», «помнящих» за 50 и 70 лет, так описывает один из уголков Мишутинской волости: «А те селища исстарины великого князя, а жил на том селище Захар кожевник, а на Федоркове — Федько Толстой, а тянули к Мишутину в Переяславский уезд...; земля великого князя Ртищево... а жил, господине, на том селище на Ртищове христианин великого князя Ивашко Ртищо...; земля великого князя Васискино... а жил на том селище Василь Пантелеев...; ... великого князя Сарынчиковская, починок... а жил на том селище Семен Сарычка...; ... селище Шуклино... а жил на селище Александр Шуклин...; ... земля великого князя селище Гридино... а жил на нем Гридя Патрикеев».⁴

Что могли представлять собой эти окруженные полями, лесами и болотами поселения «людей великого князя», «тянущих» к Мишутину, показывает другой акт, относящийся к той же местности. Посельский Троице-Сергиева монастыря жалуется судье — писцу князю В. И. Голенину — на самоуправство крестьян Мишутинской волости: «... на той на нашей пустоши на Ртищове поставил деревню Карец, а тому пять лет; а на Шуклине, господине, и на Гридине поставил двор Терешко, тому четыре годы». Знахори, выставленные троцким старцем, «слово в слово», как требуется по Судебнику, подтверждают показания своего «ищдеи»: «А на Ртищове, господине, поставил деревню Карец, тому пять лет; а на Шуклине... поставил деревню Терешко, да и селище Гридино пашет, а тому четыре годы».⁵

Таким образом, «поставить двор» это все равно, что «поставить деревню». Отсюда вытекает, что по крайней мере в данном районе «деревня» мыслится как однодворный поселок, соответствующий одному крестьянскому хозяйству. Такими поселками и были, вероятно, деревни Захара кожевника, Федьки Толстого и других «людей великого князя», существовавшие в первой трети XV в. и оставившие после себя память у старожильцев и опустевшие селища.

О деревне-дворе свидетельствуют и другие указания источников. То же судное дело писца князя В. И. Голенина содержит показания «крестьянина мишутинского» Васьки Игнатова, жившего в дер. Сарычкине, на бывшем селище Семена Сарычки: «Поставил, господине, тое деревню отец мой Игнат Коб-

⁴ Там же, № 571.

⁵ Там же, № 628.

цов, да жил... в той деревне отец мой за монастырем 30 лет... а яз... после отца своего живу в той деревне 10 лет... И мишутинский... дворской... отказал меня в Мишутинский стан, а тое деревню назвал великого князя». Таким образом, новая деревня, возникшая примерно в 60-х годах (судебный процесс происходит в начале 1500-х годов) на старом селище, тоже была однодворным поселением — хозяйством сперва монастырского, а затем мишутинского крестьянина. В другом месте и в другое время (60—70-е годы) знахори и старожильцы бортной волости в Марининой слободе (удел великой княгини Марьи Ярославны) удостоверяют на суде съезжих судей, что на спорном с Троицким Махрищским монастырем селище Лаптеве еще за 10 лет до Едигеевой рати⁶ «жил... Ивашко Лапоть, а тянул... к Ехтову».⁷ Противная сторона, монастырский посельский, настаивая на том, что селище относится к монастырскому селу Зеленцину, приводит целый список монастырских крестьян, живших в дер. Феденинской и пахавших спорное селище: «жил, господине, у нас в той деревне Феденя с детьми... а после того... Федени жил у нас Еська с детьми... а после Еськи... жил у нас в той же деревне Бужанина... а после того... Буженины жил у нас Гридя Рукуля... в той же деревне, а после Гриди остались его дети Омельяно да Бориско».

Таким образом, и монастырская деревня близ границ бортных земель в первой половине XV в. соответствует опять-таки одному крестьянскому хозяйству: в ней живет крестьянин с сыновьями (одна семья), и только после смерти отца намечаются как будто два хозяина в лице двух его сыновей. В северо-восточной части уезда, за оз. Переяславским, под «деревней» также понимается одно хозяйство: «мне, господине, ту деревню Матфеевскую дал хупанской посельской старец Никон», — заявляет троицкий крестьянин Кондратик Кузьмин на самом рубеже XV и XVI вв., проживши в этой деревне 19 лет.⁸

Однако в деревне могут проживать и несколько крестьян-хозяев. Такая возможность отчасти уже раскрыта в цитированном выше акте относительно дер. Феденинской, в которой осталось двое взрослых братьев после смерти отца. Из списка с разъезжей грамоты 70—80-х годов на Орефинский овраг в Кинеле видно, что в одной деревне живут трое взрослых братьев Сухаревых, обвиняемых в посечении монастырского леса.⁹

⁶ Имеется в виду нашествие Едигея 1408 г.

⁷ АСЭИ, т. I, № 340.

⁸ Там же, № 642.

⁹ Там же, № 422.

Известны случаи, когда в одной деревне живут люди, не связанные, по-видимому, кровным родством. В конце 90-х годов крестьяне Михайловского стана Родион Онфуков и Нестор Дешевкин поставили на земле, спорной с попом Покровского монастыря, избу и клеть и начали хозяйничать — сеять рожь, овес и ярицу.¹⁰ Здесь, по-видимому, момент основания новой деревни не одним хозяином, а двумя: «... да и досталь нам, господине, тое деревни пожни косити», — заявляют Родион и Нестор судье. В 70—80-х годах крестьяне села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря жаловались на крестьян великого князя с Ивашова Угла: «тот, господине, Семенко Злобай да Ивашко поставили себе двор на Алтынове, а тот ... Родюка поставил себе двор на Дубровке» (т. е. на землях, на которые претендовал монастырь).¹¹

Таким образом, заметны две разновидности деревень — одного и двух хозяев, живущих в одном дворе. К последней разновидности относится, по-видимому, упоминаемая в одном из недатированных, но ранних актов деревня бортника Гриди, купленная у него двумя лицами — некими Мартином и Левашом.¹²

Отмеченные случаи совместного проживания в деревне двух хозяев заставляют поставить вопрос об элементах складничества, точнее — об элементах совместного ведения хозяйства, в переяславской деревне XV в. Приведенные выше примеры наводят как будто на положительный ответ на этот вопрос. Проживание в одной деревне связано, по-видимому, с совместным ведением хозяйства; деревня рассматривается как элементарная хозяйственная единица, независимо от того, один в ней крестьянин или двое.

Что же представляет собой эта единица?

Основной ее элемент, конечно, пашня, на которой обычно и ставится деревня. Именно так происходит дело во всех известных случаях. Жить в деревне значит пахать ее землю. Однако пашня могла быть и где-то в другом месте, хотя и вблизи деревни. Так, уже известный Терешко Олферов из Мишутинской волости поставил двор-деревню на селище Гридине;¹³ монастырские крестьяне из дер. Феденинской пашут ближе к се-

¹⁰ Там же, № 582.

¹¹ АФЭХ, т. I, № 125. — Нам кажется, есть возможность сузить рамки датировки акта, установленные издателем. Боярин Федор Давыдович на докладе у великого князя — видимо, Хромой, известный в 1471—1482/83 гг. (ДРВ, XX). Суд, таким образом, был не позднее 80-х годов, этому соответствуют и показания знахорей, помнящих Едигееву рать и «великую меженину» (т. е. неурожай, вызвавший голод и мор 1410—1420-х годов).

¹² АСЭИ, т. I, № 106.

¹³ Там же, № 628.

лице Лаптево;¹⁴ в последние годы XV в. в Бармазовской волости какие-то Медведко и Луня распахали и засеяли землю дер. Панинской, в которой они, по-видимому, не жили.¹⁵

Отсюда как будто вытекает, что хотя «жить» в деревне значит пахать ее, пахать можно и живя в другом месте.

Кроме пашни, в состав деревни входят и сенокосные угодья.

В 70-х годах сотник Мишутинской волости Малыга «поорал и покосил» спорное с Троице-Сергиевым монастырем селище Кровопусковское.¹⁶ Очевидно, запустевшее селище включало и пашню, и покос. В 90-х годах крестьяне Аргуновской волости Т. Мамухин и К. Данилков, поселившись на селище Дрочкове, стали косить луг Дудорова Лука, ссылаясь на то, что якобы «тот луг тянет к тому селищу».¹⁷ В эти же годы уже упомянутые Р. Онфуков и Н. Дешевкин, поставив деревню на спорной земле и начав обрабатывать пашню, считают естественным свое право и на сенокосные угодья той же деревни.¹⁸

Но, по-видимому, деревня не всегда была в достаточной мере обеспечена угодьями. Известен случай найма крестьянами луга, принадлежащего монастырю. Уже упомянутый Т. Мамухин, живший на селище Дрочкове и претендовавший на луг Дудорова Лука, признался на суде, что «тот луг кашивал, наймучи у монастыря, а даывал есми ... найму от него 10 денег».¹⁹ Как видно из того же акта, этот луг часто давался монастырскими властями в наем соседям — волостным людям.

Для почти безнадежной попытки определить размер пашни волостной деревни можно использовать только одно прямое указание.²⁰ Р. Онфуков и Н. Дешевкин, поставившие «избу да клеть» на земле, спорной с попом Григорием, заявляют судье: «Высеяли есмя, господине, тое ржи 15 четвертей, а овса 15 жо четвертей да полчетверти ярицы». Поп Григорий, доказывая свои права на участок, говорит: «Пашу, господине, ту землю яз двадцать лет без лета, а преже меня ... у тое церкви служили игумены и попы, а ту ... землю пахали. А ту ... рожь и ярь ... сеял яз, высеял есми ... тое ржи 10 четвертей, а овса 15 четвертей, да две четверти ярицы». В показаниях сторон важны два факта: 1) крестьянская деревня соответствует поповскому участку при церкви, 2) размер запашки последнего — от 10 до 15 четвертей в поле. Это согласуется со сведениями писцовых

¹⁴ Там же, № 340.

¹⁵ Там же, № 642.

¹⁶ Там же, № 430.

¹⁷ АФЭХ, т. I, № 140

¹⁸ АСЭИ, т. I, № 582 (см. выше, стр. 230).

¹⁹ АФЭХ, т. I, № 140.

²⁰ АСЭИ, т. I, № 582.

книг конца XVI в., в которых поповская пашня всюду примерно равна 10 четвертям в поле.²¹ Такие размеры были, очевидно, не случайны, они отражали устойчивую и сложившуюся норму для хозяйства, ведущегося силами владельца. Такой же — грубо приблизительно — размер могла иметь и волостная крестьянская деревня XV в.²² В конце XV в. некий Луня, распахав и засеяв землю дер. Панинской на Бармазове, собрал урожай 6 копен ржи. Считая в копне-сотнице в среднем 1½ четверти зерна²³ и принимая урожай сам-два, получаем площадь озимого примерно 4 четверти. Такой же, по-видимому, озимый участок распахал Медведко (умолот — три овина), да еще омолотил три овина яри.²⁴ Ценность этих указаний, дающих тоже что-то около 10 четвертей в поле, подрывается, однако, не только грубой приблизительностью подсчета, но и неясными обстоятельствами в самом акте: неизвестно, в одном ли сезоне работали Медведко и Луня и всю ли землю они обработали.

Насколько прочны были связи волостного человека с его деревней? Старожильцы Мишутинской волости в уже цитированном акте 90-х годов показывают сзорщику великого князя «... селище Шуклино ... а жил на том селище Александр Шуклин, Трофимов отец».²⁵ Трофим — это один из знахорей, «людей великого князя старожильцев», указывающих сзорщику межи и селища, запустевшие в первой половине XV в. Он помнит эти места за 70 лет, по его словам. Стало быть, он не жил и не живет на селище, на котором жил когда-то его отец, хотя и помнит то время, когда на Шуклине еще стояла отцовская деревня. Трофим не воспользовался и открывшейся было возможностью вновь занять пустующее селище. Вместо него это сделал Терешко Олферов.²⁶

Братья Сухаревы в Площевской волости (70-е годы) защищаются от обвинения в посечении монастырского леса:²⁷ «которые, господине, люди переже нас в той деревне жили — те, господине, между ведают». Перед старожильцами, которых называли братья, судья-разъездчик прямо ставит вопрос: «Скажите,

²¹ ПКМГ, ч. I, Переяславский уезд.

²² Примерно того же мнения был и Н. А. Рожков: Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899 стр. 144, 145.

²³ Н. А. Рожков, ук. соч., стр. 55, в ссылке на акты Троице-Сергиева монастыря, кн. 532: «а ис копны умолоту по чети ржи». Но тут же и другие цифры. 2 и даже в 2½ четверти.

²⁴ АСЭИ, т. I, № 641.

²⁵ Там же, № 571. — Сзорщик — видимо, должностное лицо, посылаемое великим князем для выяснения поземельных споров. Ср.: АСЭИ, т. II, № 467а. Нельзя ввиду этого согласиться с расшифровкой термина в указателе к АСЭИ, т. II, стр. 688: «досмотрщик провозимого товара».

²⁶ Там же, № 628

²⁷ Там же, № 422.

вы жили ли есте в той деревне, занеж вы старожильцы?» И старожильцы — Конон Шилов и Ивашка Офонасов — отвечают: «Еще, господине, отец мой в той деревне жил». Возможно, что этим «отцом» был Степан Шилов, известный как послух в одном из местных актов 20-х годов.²⁸ Во всяком случае, налицо факт перехода деревни от одного владельца к другому. При этом возможно, что первый владелец получил эту деревню от отца.

Важно здесь и прямое указание на старожильцев как на прежних жильцов деревни. Это прямо подводит к ст. 151 Судебника 1589 г. (Пространная редакция): старожильцы — те, «кто знает межу или преж сего ту землю пахивал и живал».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что связь жильца с деревней, как бы длительна она ни была, не была все же слишком прочной. Каким-то образом деревни переходят от одних владельцев к другим, причем первые владельцы или их дети в известных нам случаях остаются жить где-то, видимо неподалеку, во всяком случае в пределах волости. Не имея обязательных наследственных связей со своей деревней, волостной человек, по-видимому, имел такие связи с волостью.

Длительная и прочная связь волостного человека с волостью наглядно проявляется в институте «людей добрых» старожильцев, помнящих за много десятков лет и хорошо известных в литературе. В переяславских актах встречаются старожильцы, помнящие за 50 и более лет: во второй половине XV в., например, помнящие Едигееву рать и великий мор²⁹ (т. е. эпидемии 1410—1420-х годов).

Видна и наследственная связь с волостью. Выше уже приводились примеры Трофима Шуклина в Мишутинской волости и помещевских старожильцев, помнящих своих отцов. В начале второй половины XV в. в том же Пощеве известны братья Девясил и Измайло — мужи-пощевичи на отводах с Троице-Сергиевым монастырем.³⁰ Спустя полвека, в 1517/18 г., в очередном отводе с монастырскими землями участвует Куземка Тимофеев сын Девясилова — «великого князя христианин Пощевского села».³¹ Таким образом, семья Девясила прослеживается в волости из поколения в поколение.

В известных по актам случаях социальное и юридическое лицо волостного человека определялось прежде всего именно его связью с волостью, принадлежностью к волости, а не владением той или иной деревней. Со страниц актов встают поименно пере-

²⁸ Там же, № 45.

²⁹ АФЭХ, ч. I, № 125; АСЭИ, т. I, № 340 и др.

³⁰ АСЭИ, т. I, №№ 328, 422.

³¹ АСБВ, № 512.

числяемые «бармазовцы», «христиане» мишутинские, аргуновские и др. Уже известно, что в тех случаях, которые удастся проследить по актам, это «люди» и «христиане» являются жильцами отдельных деревень, живут в них по многу лет, а иногда, может быть, и передают их по наследству. Тем не менее, официально — перед лицом внешнего мира в виде соседа-монастыря или судьи-сзорщика великого князя — они все именуют себя не иначе, как «волостными людьми великого князя» такой-то волости.

Отношения с волостью имели, таким образом, определяющее значение для волостного человека. Какой же характер носили эти отношения? На вопрос судьи Бурца Скрипицына: «Почему вы на той земле избу да клеть поставили, и землю пашете, и пожни косите?» — Р. Онфуков и Н. Дешевкин отвечают: «Дали нам, господине, ту землю становичи Михайловского стану, и грамоту нам... на ту землю дали. А та... земля становая, Михайловского стану».³² «Дал нам, господине, селище Дрочково Аргуновские волости староста Митька Бердяй и все христиане», — заявляет на суде дворецкого Т. Мамухин, — «и в Кондратцово (своего сожителя, — Ю. А.) место».³³ Сотник Малыга, пооравший и покосивший селище Кровопусковское, оправдывает свои действия: «То... селище Кровопусковское — земля великого князя волостная Мишутинская».³⁴

Бармазовский сотник Окул назвал дер. Подбережскую «волостною деревней Бармазовскою», чем помешал разъездчику отвести ту деревню Троице-Сергиеву монастырю.³⁵

В перечисленных случаях волость выступает в качестве собственника или владельца земли, который может ею распорядиться — давать, например, членам волости. Именно волость является, по-видимому, источником прав волостных людей на их деревни с пашнями и угодьями. Эти деревни остаются в компетенции волости и тогда, когда на них живут.

Волость сохраняет, по-видимому, общий контроль над своими землями, которые мыслятся как какое-то единое целое. Именно об этом, как нам кажется, свидетельствует институт волостных мужей на разъездах-разводах (как и сама процедура разъездов). Этот институт необходимо отличать от института старожильцев — частных лиц, экспертов-знахорей на судебных процессах. В отличие от них волостные мужи на разъездах являются лицами, представляющими волость в целом.

В 60-х годах на отводе «земли великого князя Пловцевской Щербовского поля» от земель Троице-Сергиева монастыря при-

³² АСЭИ, т. 1, № 582.

³³ АФЭХ, т. 1, № 140.

³⁴ АСЭИ, т. 1, № 430.

³⁵ Там же, № 641.

сутствуют «все помещичи», из которых четверо перечислены поименно;³⁶ в 70—80-х годах на разъезде Бармазовской волости — коллегия «князя великого людей бармазовцев» из 8 человек;³⁷ в это же примерно время десятский гавинский и мужи разводят землю «за всю волость Гавинскую».³⁸

Таким образом, на территории волости в маленьких деревнях по одному и по двое живут мелкие, непривилегированные «волостные люди великого князя», тянущие к волости, т. е. относящиеся к ней как часть относится к целому. Они пахут и косят небольшие участки, принадлежащие к их деревням, иногда меняют место жительства, не теряя при этом связей с волостью, от которой они получают право на эксплуатацию своих деревень и на авторитет которой они ссылаются в трудные минуты.

Однако на территории волости как административной и податной единицы есть и другие элементы, частично сливающиеся с первыми, частично противостоящие им. Один из старожильцев Ивашова Угла заявляет на суде (70—80-е годы): «Яз, господине, помню от Едигеевой рати, что те селища Алтыново и Дубровка — земли великого князя, а пахал, господине, то селище Алтыновское суконник Алтын из города ис Переяславля». Из показаний другого старожильца выясняется, что Алтыново и после суконника тянуло к Ивашову Углу.

В Мишутинской волости старожильцы рассказывают судье: «А те селища ис старины великого князя, а жил на том Кожевникове Захар кожевник ... а тянули к Мишутину в Переяславский уезд... помним, что то земля ис старины великого князя Переяславского уезда Мишутинской волости».³⁹ Если «суконник» и «кожевник» не прозвища вроде «Девясил» и «Лунь» (что маловероятно), то выходит как будто, что на волостной земле рядом с волостными людьми-крестьянами может жить и мелкий ремесленник, тянущий к волости. Это мелкий непривилегированный жилец, вполне аналогичный своему соседу-крестьянину и отличающийся от него только вторым источником дохода — ремеслом. В социальном отношении он вполне сливается с волостными людьми.

• Другой характер имеет землевладение княжих слуг.

В конце XV в. истопник Антон Гладкой бил челом великому князю, «сказывая», «что деи из Троицкого села из Бебякова

³⁶ Там же, № 328.

³⁷ Там же, № 380. Грамота датируется 1478—1484 гг. или вскоре после этого: разъезд сделан немного времени спустя после перехода Бармазова в руки великого князя.

³⁸ Там же, № 544.

³⁹ АФЭХ, ч. I, № 125.

крестьяне пашут ... великого князя земли наездом ... а нет деи на тех пустошах двора, ни кола». ⁴⁰ Великий князь внял челобитью: «пожаловал есми истопника своего ... в Мишутинской волости своими пустошми Кожевниковым да Федорковым .. поставит себе на тех пустоших двор» (ноябрь 1491 г.). Антон и поставил себе «деревню»: «на Кожевникове да на озими на Федоркове избу да клеть» и начал пахать «к тому же» Василю. ⁴¹ Так на запустевших селищах, где когда-то жили Захар кожевник и Федька Толстой, появилась деревня слуги великого князя, получившего на эти земли великокняжескую грамоту. По своим размерам — изба да клеть на одной пустоши, пашня дополнительно на другой — деревня Антона не отличалась от соседних крестьянских деревень. Грамота великого князя не только предоставила слуге землю на территории волости, но и отчасти ввела его в круг волостных людей — «стоятелей» за волостную «великого князя» землю: обращаясь к «дворскому и всем хрестьяном» Мишутинской волости, великий князь пишет: «что деи из Троицкого села из Бебякова хрестьяне пашут мои земли великого князя наездом... и вы б все за те мои земли с Гладким стояли».

Поселение дворцового истопника на волостной земле и частичное смешивание его с волостью находит аналогию и в других волостях. В начале 50-х годов на Бармазове «Окулко сотник назвал ... ту деревню Подбережскую волостною ж деревней Бармазовскою, а сказывал ... что на той деревне на Подбережской жил слуга бронной Василь Родивонов, да и писан деи тот Василь в книгах в Степановых Бородатого». ⁴² Справка в книгах не подтвердила слов сотника: «ино та земля в книгах не писана». Тем не менее заявление сотника Окула имеет важное значение. Оно свидетельствует о том, что деревня, в которой живет слуга бронный, не выходит из состава волостных земель. Оставаясь в составе волости, эта земля находится на особом учете и под особым контролем дворцовых властей — пишется в книги. Упоминание о дьяке Степане Бородатом показывает, что слуга бронный на земле — давняя практика, восходящая к тем временам, когда Бармазовым владела великая княгиня Марья Ярославна (60—80-е годы). О еще более раннем поселении княжого слуги на земле говорит старик Малах Бараш — старожилец Ивашова Угла, помнящий «от Едигеевой рати»: «а после Алтына на том селище на Алтынове жил князя великого слуга Исак, а тянул к Ивашову Углу». ⁴³

⁴⁰ АСЭИ, т. I, № 571.

⁴¹ Там же., № 571, 628.

⁴² Там же., № 641.

⁴³ АФЭХ, ч. I, № 125.

Земля Исака в начале XV в. как и земли слуг в конце этого века, тянет к волости или к «селу» наравне с крестьянскими деревнями.

Живя рядом с волостными людьми, слуга великого князя, однако, не смешивается с ними: так, в начале первого десятилетия XVI в. конюхи великого князя Павел Ворона и Афанасий Губа на разъезде Бармазовской волости названы отдельно от бармазовцев,⁴⁴ хотя, кажется, жили в этом месте: эти же, по-видимому, лица, еще не названные конюхами, участвуют в разъезде 80-х годов.⁴⁵

Не исключена возможность, когда слуга-земледелец не появлялся в волости со стороны, из дворца, а вырастал в самой волости, превращаясь из крестьянина в слугу — дворцового человека. Может быть, такую карьеру совершил в митрополичьей волости Борис Дмитриев сын Косагов. В писцовой книге 1491/92 г. он упоминается в числе рядовых жителей деревень, тянущих к селу Каринскому: «д. Горлышково (во дворе, — Ю. А.) Бориско Косагов».⁴⁶ Через 18 лет в одном из местных актов он назван в качестве послуха позади детей боярских, но впереди всех крестьян, и полным именем: «Борис Дмитриев сын Косагов».⁴⁷ Еще через 8 лет он известен как тиун митрополичий во Владимирском уезде.⁴⁸ Наконец, еще через пару лет, снова в Переяславском уезде, он назван уже совершенно отдельно от крестьян, между двумя феодалами — Внуковым и Баскаковым.⁴⁹ В последний раз он упомянут в 1522 г. даже впереди митрополичьего дворцового дьяка.⁵⁰

Если все это — не простая случайность, то подобное изменение характера имени и места, занимаемого им в перечне лиц, может отражать в какой-то степени социальную эволюцию его носителя.⁵¹

В Бармазовской волости смутно можно проследить Головных — отца и сына, живших, по-видимому, на территории волости из поколения в поколение, но занимавших какое-то особое

⁴⁴ АСЭИ, ч. I, № 642.

⁴⁵ Там же, № 544.

⁴⁶ АФЭХ, ч. I, № 22

⁴⁷ Там же, № 131.

⁴⁸ Там же, № 183.

⁴⁹ Там же, № 132.

⁵⁰ Там же, № 119.

⁵¹ Есть и трудно расшифровываемый намек на эволюцию в обратном направлении: митрополичий крестьянин Истомка Карпов сын Ховралев в Переяславском уезде (АФЭХ, ч. I, № 32) был, вероятно, сыном Карпа Ховралева, тиуна великого князя в соседней с Переяславлем московской волости Воре (АСЭИ, т. I, № 557) и в Горстове стану (там же, т. II, №№ 370, 405).

положение. В первой четверти XV в. на отводе троицкой купли в районе оз. Сомина в числе прочих владений соседей упоминаются огород и грани Якова Головы.⁵² Его сын Фома известен в двух актах более позднего времени: в 30—40-х годах он послух в одной из местных сделок Троице-Сергиева монастыря,⁵³ в конце 70—начале 80-х годов на разведе Бармазовской волости он отнесен — наряду со становщиком туровским, никитским и коведяевским — к «людem великого князя», «бывшим» с развездчиком И. Харламовым, т. е. явно отделен от «князя великого людей бармазовцев», бывших на разводе.⁵⁴ Между тем, земли Яковы Головы находились, по-видимому, на территории Бармазовской волости, как об этом свидетельствует сопоставление топонимических данных.⁵⁵ Если это справедливо, то в лице Головиных неясно вырисовывается тип землевладельца, наследственно живущего на волостной земле, но стоящего особняком от волостных людей, рядом с должностными людьми великого князя.

Еще более смутные данные имеются о Харламовых. Уже несколько раз упоминался Иван Харламов — развездчик Бармазовской волости в 70—80-х годах по грамоте «государя своего великого князя».⁵⁶ Еще ранее, в 60-х годах, он судил усольцев

⁵² АСЭИ, т. I, № 18; «От Головы от Якова по огород, да по грани»; № 19: «от Якова от Головы по огород, да по Головины грани»; № 20; «рекою Черною вверх, да по Яковли грани, да по Яковль по Головин огород».

⁵³ Там же, № 83.

⁵⁴ Там же, № 330.

⁵⁵ В первой четверти XV в. Троице-Сергиев монастырь купил землю Молитвинскую с деревнями и починками, вошедшую в состав Хупанской вотчины монастыря (АСЭИ, т. I, №№ 18—20). В отводной части купчей грамоты перечислены названия соседних с купчей владений и урочищ. С другой стороны, сохранились развезжие грамоты Хупанской вотчины от Бармазовской волости, датируемые последней четвертью XV в. (там же, №№ 330, 515). При сопоставлении географической номенклатуры купчей и развезжих многие названия совпадают: Дубровка, Круглое, Подвезное (Вязовый враг), Соколец, Угловасец, Филисово селище (Филин покос), Яново (Янеское). Несколько названий не совпадают, что может быть объяснено изменением границ вследствие сделок Троице-Сергиева монастыря. Отсюда можно сделать заключение, что места, соседние с троицкой купчей первой четверти XV в. и упомянутые в купчей (в том числе и «огород» и «грани» Я. Головы), — это места, расположенные на территории Бармазовской волости. В одном случае это можно доказать: в конце линии отвода троицкой земли Молитвинской в начале XV в. назван Филин покос; в развезжей грамоте И. Харламова 70—80-х годов упомянуты грани, отделяющие «великого князя землю Бармазовскую Филисовское селище» от троицких владений: селища Круглого до Вязового врага (оба последних названия известны из купчих на землю Молитвинскую).

⁵⁶ АСЭИ, т. I, № 330.

в их тяжбе с Троице-Сергиевым монастырем и докладывал суд свой великому князю.⁵⁷ В 1500-х годах на новом разъезде Бармазовской волости присутствуют двое сыновей И. Харламова — Филипп и Владимир, названные отдельно от волостных людей. Не является ли такая длительная и потомственная связь с одной и той же местностью свидетельством в пользу того, что Харламовы — местные землевладельцы и в то же время должностные лица великого князя?

На территории волости встречаются и более крупные владения, чем поселения слуг великого князя, похожие на деревни волостных людей. Во второй четверти (даты нет) XV в. некий Матвей Лукин дал в Троице-Сергиев монастырь «пустошь на Бармазове, что была Иванова Ильина, а к той пустоши тянут селища: первое Федорцево, и со всем лесом, что к тому селищу тянет; другое Карпцево ... третье Сепацино (правильнее: Семцино, — Ю. А.), а четвертое Стрелково».⁵⁸ Это владение по своей структуре сильно отличается от обычных волостных 1—2 селищ в руках одного владельца: к пустоши, как к владельческому центру, тянут 4 селища с угодьями.

Как могло образоваться такое владение на территории волости? Один документ 60—70-х годов как будто отчасти отвечает на такой вопрос. Некий Андрон, живший где-то неподалеку от Бармазова, а может быть, и на самом Бармазове, в 60—70-х годах самовольно распоряжается целой полудюжиной пустующих селищ. «... иные, господине, земли дает в закуп, а иную продал, а иные в наймы», — жалуется судье на этого Андрона Останя дворский. Судебное разбирательство Никиты Беклемишева подтвердило слова Остани. Выяснилось, что сыну своему Андрон дал три селища, селище шурина своего дал в закуп в 2 руб., а землю Лахово продал митрополичьему дьяку. Земли, которыми распоряжается Андрон, — типичные крестьянские участки, соответствующие одной деревне каждый. Они запустели (их косят, но на них не живут; ничего не известно об их хозяевах) и в результате этого попали в руки ловкого и бесцеремонного соседа. Кто бы ни был Андрон — слуга ли великого князя, как считают С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков, обратившие внимание на этот случай,⁵⁹ или нет⁶⁰ — его деятельность

⁵⁷ Там же, № 20.

⁵⁸ Там же, № 162.

⁵⁹ АСЭИ, т. I, № 326, комментарии к акту. Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, кн. I, М., 1953, стр. 523, 524, прим. 24.

⁶⁰ Ссылка Андрона на грамоту, которую он положит только перед великим князем, недостаточна для причисления его к слугам (вопреки мнению Б. Д. Грекова). Р. Онфуков и Н. Дешевкин в Михайловском стану тоже ссылались на грамоту, которую положат перед великим князем, а были, несомненно, крестьянами.

очень интересна. Таким путем — путем осваивания *de facto* лежащих «впусте» селищ, — может быть, и сколачивались мелкие вотчины типа владения Матвея Лукина. Очень характерно при этом, что сколачивание вотчины сопровождается отчуждением волостных тяглых земель посторонним волости лицам, вроде митрополичьего дьяка.

Территория волости, таким образом, более или менее пропитана элементами, имеющими с волостью не много общего. Слуга великого князя живет в волости, владеет маленькой деревней, не отличающейся от крестьянской, тянет к волости и «стоит» с волостными людьми, но за его спиной уже не «становичи» и не «люди добрые волостные», а великий князь, дающий ему землю и следящий за ней. Житель волости, тем или иным путем овладевший несколькими деревенскими участками, тоже имеет физиономию, не очень похожую на лицо каких-нибудь Онфукова и Дешевкина, вдвоем пашущих одну деревню. По существу, это мелкий вотчинник на территории волости, связанный с волостью, может быть, только формально. Накапливаясь и развиваясь внутри волостных границ, подобные явления вносили в волость чуждую и опасную для нее струю.

Говоря о волости как о поземельной (территориальной) организации, мы уже указывали на важную и характерную, по нашему мнению, функцию волостных мужей — людей добрых, представляющих интересы волости на разъезде ее земель. Мужья волостные — первая черта волостного самоуправления. Именно они («становичи Михайловского стану»), по словам Р. Онфукова и Н. Дешевкина, представили им землю и «грамоту ... на ту землю дали». ⁶¹ «А перед тобою грамоты не положим, а положим, господине, ту грамоту на Москве перед великим князем», — заявили Онфуков и Дешевкин судье Бурду Скрипицыну, местному сыну боярскому, вотчиннику Верхдубенского стана. Грамоты они «на Москве» не положили и процесс проиграли. Возможно, что у них и не было грамоты, тем не менее ссылка на становичей, которые могут, по-видимому, дать такую грамоту, сохраняет все свое значение. В параллель с этим документом можно поставить современный ему акт, в котором заявление Т. Мамухина от своего имени и от имени своего товарища: «а дал нам, господине, селище Дрочково Аргуновские волости староста Митька Бердяй и все христиане...» — не вызывает у судьи ни малейшего сомнения: разбирательство идет только о том, тянет ли к этому селищу оспариваемый монастырскими крестьянами луг. ⁶²

⁶¹ АСЭИ, т. I, 582.

⁶² АФЗХ, ч. I, № 140. — Возможно, что о «волостных христианах» как о представителях всей волости упоминается в двух неясных случаях:

В большинстве известных по актам случаях волостная организация возглавляется должностным лицом — старостой или сотским. В 60-х или 70-х годах съезжие судьи — от великого князя В. М. Обухов, а от великой княгини Марьи Ярославны Олферий Едигей — судили посельского Троицкого Махрищского монастыря с представителем бортной волости Давыдкой Шеболдой.⁶³ Спор шел о селище Лаптевском, которое, по словам посельского старца, истари пашется монастырскими крестьянами, жителями дер. Феденинской. Но на вопрос судей: «Почему ты зовешь ту землю великие княгини, а си сказывают — за толко лет ту землю Лаптевскую пашут?» — Давыдка Шаболда отвечает: «Те, господине, вси пахали ту землю, — у нас наимывали Лаптевскую, у нашего старосты у Ивана; а после старосты... этот Гридка (монастырский крестьянин, — Ю. А.) наимывал то селище Лаптевское у меня, у Давыдка, три годы, яз... у того Гридки имал наем, а клал есми, господине, всей братье на столец, с того селища с Лаптевского... Тот, господине, Гридка умерл, год минул Рождество Христово, а наем ми, господине, заплалил на летошнее лето наперед; а на се... лето Гридкины дети учали пахати то селище без найму, и мы... им и не замолчали». В подтверждение своих показаний Давыдко ссылается на Юрку Горбунова и Овсяника Окулова: «... перед теми, господине, у меня... тот Гридка Рыкуля наймовал то селище Лаптево, и наем есми, господине, клал на столец всей братье перед теми же». Однако, «став на суде», Юрка и Овсяник категорически отвергли показания Давыдки и приняли сторону монастырских властей: «Сидим, господине, на размете свою братью двадцать лет, а наима... нам наш староста Ивашко с того селища Лаптева и тот Давыдко не кладывали; а Гридка... у Давыдка перед нами того селища Лаптева не наймовал, а земля... монастырская». Знахори и старожильцы

в грамоте князя Юрия Ивановича (1498 г.) об отводе Благовещенскому на Киржаче монастырю спорной с «волостными христианами» пустоши (АСЭИ, т. I, № 617) и в духовной П. М. Плещеева (1510 г.) по поводу лугов «у св. Покрова на Дубне», из-за которых завещатель судится с «крестьянами волостными великого князя» (Шумаков, Обзор, вып. IV, № 944). Не исключена возможность отождествления этого «св. Покрова на Дубне» с тою церковью-монастырем, в которой в 90-х годах служил поп Григорий (АСЭИ, т. I, № 582). В таком случае «крестьяне волостные великого князя» духовной грамоты Плещеева идентичны со становичами Михайловского стана, давшими якобы грамоту Р. Онфукову и Н. Дешевкину. Вполне возможно, однако, и другое толкование указанных двух актов: под «крестьянами волостными» здесь можно понимать и частных лиц, ведущих процесс от своего имени.

⁶³ АСЭИ, т. I, № 340. — Это интересный и редкий случай съезжего, «смешного» суда. При этом любопытно, что оба судьи — местные вотчинники.

обеих сторон поддержали соответственно своих ищей и выразили готовность «лезть на поле биться». На докладе великий князь решил дело в пользу монастыря, причем роковую роль сыграли предательские показания Горбунова и Окулова: на них и ссылался великий князь при решении дела.

Для нас, однако, важен не исход дела и не фактическая история селища Лаптева, а те черты организации бортовой волости, которые вскрылись на процессе: волость имеет, таким образом, следующие институты: 1) старосту; он может давать волостную землю в наем посторонним людям, кладя деньги за наем «всей братье» на столец; он, по-видимому, человек местный, коренной — в числе судных мужей упомянут «Колпак Ивашков сын Старостин»; должность его может оставаться несколько лет вакантной; 2) разметчиков; они сидят по многу лет на размете, ведая волостной кассой-стольцом; 3) волостную кассу-столец, куда поступают деньги от найма волостных земель.

Элементы волостной организации освещаются в других актах гораздо более скупо. Староста волостной встречается в Аргуновской волости. Он (и «все христиане») является адресатом грамоты великого князя: «что в Аргунове на Воинове деревенька Троицкого Сергиева монастыря, и вы 6 тое деревеньки в тягль не тянули ни в которую».⁶⁴ В 90-х годах, как известно, староста Аргуновской волости Митька Бердяй и «все христиане» дали Т. Мамухину и К. Данилову селище Дрочково.⁶⁵ Из грамоты 1514 г. узнаем, что власти Троице-Сергиева монастыря жалуются на «аргуновских христиан»: «на старосту на Васка, да на Лукьяника на Сафронова сына, да сына его Фильку, да на Васка на Федотова сына, да на Калинку на Осташова сына»: «что деи у них вступаются в их землю Воиновского монастыря, да с тое деи земли их жита, ржи и яри, свезли: 30 копен ржи да 20 копен овса, да на тои деи их земли и избу поставили сильно, а называют деи ту землю — великого князя землю к Оргуновскому селу». Когда же старец Михайло с тремя воиновскими крестьянами приехал «к тому старосте к Васку да к его товарищем с изветом», то «староста с товарищи» старца и его крестьян «били и грабили», причем старец насчитал грабежу на 2 руб. с четвертью.⁶⁶ В данном случае староста — активный защитник интересов волости, и сам один из волостных крестьян.

В Бармазовской и Мишутинской волостях старосты неизвестны, но встречаются сотские. В конце XV в. бармазовским

⁶⁴ Там же, № 332. — Дата издателя — 1462—1485 гг.

⁶⁵ АФЭХ, ч. I, № 140.

⁶⁶ АСБВ, № 469. — Грамота князя Андрея Ивановича от 9 сентября 1514 г. Дм. М. Поливанову с приказанием произвести разъезд.

сотником был Степан Сергеев сын Басиха. Это старинный местный житель: уже в грамоте конца 70—начала 80-х годов он упомянут в числе волостных людей бармазовцев на разводе.⁶⁷ «Отдал, господине, тот Басиха половину того селища Дьяковского Бармазовские земли великого князя ... тому Кондратику (крестьянину Троице-Сергиева монастыря, — Ю. А.) ... А нам ... тот Басиха в половину того селища ... вступатися не велит»,⁶⁸ жалуются на Басиху, уже переставшего быть сотским, волостные люди. Новый сотник, Окул, напротив, энергично защищает интересы волости: он выступил против самоуправства старого сотника Басихи, он отстоял для волости дер. Панинскую и чуть было не закрепил за волостью дер. Подбережскую. спорную с Троице-Сергиевым монастырем.⁶⁹ Он же вместе с крестьянами должен доправить на Медведке и Луне убыток, причиненный волости их самовольством.⁷⁰ О сотнике Мишутинском есть только одно упоминание 70-х годов. Оно связано с сотником Малыгой, «пооравшем и покосившем селище Кривоупсковское».⁷¹ Выступая в этом случае, по-видимому, прежде всего как частное лицо, Малыга тем не менее говорит и об интересах волости: «Извечивали есмь им (монастырским властям, — Ю. А.) ини, господине, изветов не рядят. А нынече... про наш извет и келарь по нас жо послал пристава». Нет никакого сомнения в том, что Малыга-сотник — один из волостных мишутинских крестьян.

В Гавинской и Заборской волостях известны десятские. В конце XV в. (вероятнее всего, вскоре после 1478 г.) развод земли Гавинской с землей Троице-Сергиева монастыря (бывшая вотчина Копниных) был произведен десятским гавинским Дмитроком Ивановым сыном с двумя крестьянами «и за всю волость Гавинскую» с доклада гавинскому волостелю князю Семену Александровичу, и «поговоря межю себя» с приказчиком троицкой вотчины и троицкими крестьянами.⁷² В начале 1500-х годов «межу указывали великого князя земле Заборские волости с монастырскою землею с Троицкою Копнинского села великого князя крестьяне: заборской десятской Ермола Дмитриев сын» и еще 5 человек.⁷³ В 1500/01 г. на разъезде земель

⁶⁷ АСЭИ, т. I, № 330.

⁶⁸ Там же, № 642.

⁶⁹ Там же, №№ 642, 641. — Не исключено, что дер. Панинская — бывшая дер. Степахи Панина, одного из старожильцев в № 642. В таком случае, может быть, № 642 старше, чем № 641, — в последнем акте деревня запустела.

⁷⁰ Там же, № 641.

⁷¹ Там же, № 430.

⁷² Там же, № 544.

⁷³ Там же, № 643.

Т. П. Замытского и Троице-Сергиева монастыря был Сенька Пальцов, десятский становой, вероятно Замытского стана.⁷⁴ Старосты, сотские и десятские, таким образом, — органы волости, главная функция которых — контроль над волостными землями. Просвечивает и другая функция — устройство тягла.⁷⁵

Однако, кроме функций, связанных с землей и повинностями, перед волостной организацией стоит еще одна важная задача — участие в суде.

Статья 38 Судебника 1497 г., отражая, видимо, сложившуюся с давних времен практику,⁷⁶ требует присутствия на наместничьем и волостелином суде дворского, старосты и «лутчих людей». В нашем распоряжении 8 судебных дел, касающихся волостных земель Переяславского уезда (не считая дел, связанных с митрополичьей волостью).⁷⁷ Все эти дела относятся к последней трети XV в., большинство — к последней четверти. Представляет известный интерес проследить состав судебной коллегии на этих судах:

1. В 60—70-х годах Никита Васильевич (по мнению С. Б. Веселовского — Беклемишев) судил суд о тяглых землях в Кистемском стану.⁷⁸ На суде были 4 мужа, из них один — «в дворского место». Этот суд был связан с разделом земель: «коли Микита приехал землю делити, а туто были» 6 человек — не те, что на суде, в том числе оба дворские: старый — Останя и новый — Митя. Никита Васильевич в этом акте — или волостель, или специально командированный агент великого князя.

2. На съезде на суде судей великого князя и великой княгини Марьи Ярославны о землях бортной волости⁷⁹ были 10 мужей, в том числе двое — местные землевладельцы феодального типа (братья Серко и Ярец Конковы),⁸⁰ один, по-видимому, должностное лицо великой княгини (слободской), остальные семь — вероятно, волостные люди (в том числе сын старосты и брат или родственник одного из знахорей).

3. Мишутинского сотника Малыгу с келарем Саввою Троицкого монастыря судил Иван Васильевич (по мнению С. Б. Ве-

⁷⁴ Там же, № 642.

⁷⁵ Там же, № 332: «и вы 6 тое деревеньки в тягль не тянули ни в которую» (грамота с прочетом в Аргуновскую волость «старосте и всем крестьяном» 1462—1485 гг.).

⁷⁶ Л. В. Черепнин находит ее нормы в уставных грамотах, где тоже, вероятно, они не были новшеством.

⁷⁷ АСЭИ, т. I, №№ 326, 340, 430, 571, 582, 628; АФЗХ, ч. I, №№ 125, 140.

⁷⁸ АСЭИ, т. I, № 326.

⁷⁹ Там же, № 340.

⁸⁰ Ср.: АСЭИ, т. I, № 456 — духовная М. В. Конкова; Шумаков. Обзор, вып. IV, №№ 972, 973, 975 и др. — о вотчинах Конковых-Мещериновых.

селовского — окольничий Ощера Сорокоумов-Глебов). На суде присутствовал дьяк великого князя С. В. Бородатый и Филипп Григорьев сын Наумов — близкий ко двору человек, отец дьяка Кобяка.⁸¹ Никаких «мужей», «лучших людей» на суде не видно — вероятно потому, что он происходил не «на местности», а в Москве или во всяком случае в городе.

4. На суде сзорщика П. Трусова между крестьянами Мишутинской волости и истопником Антоном, с одной стороны, и властями Троице-Сергиева монастыря — с другой присутствует 17 мужей, в том числе дворский. По-видимому, это все «добрые люди» «мишутинцы».⁸²

5. На суде Бусца Скрипицына между покровским попом Григорием и крестьянами Михайловского стана Р. Онфуковым и Н. Дешевкиным присутствует 8 мужей и двое отдельно названных детей боярских.

6. У писца князя В. И. Голенина на суде о мишутинских землях⁸³ было три человека, ни в одном из которых нельзя видеть волощанина, хотя бы и «лучшего». Один из этих людей — дьяк (будущий, видимо) Максим Горин, местный вотчинник.⁸⁴

7. На суде судьи великого князя Ф. Б. Мансурова между крестьянами митрополичьего Борисоглебского монастыря и великокняжеского «села» Ивашов Угол присутствуют трое мужей, возможно «людей добрых».⁸⁵

8. На суде дворецкого князя П. Ф. Шестунова между аргунскими крестьянами и Антоньево-Покровским митрополичьим монастырем видим двое лиц, возможно волощан.⁸⁶

Как видно из приведенного краткого перечня, состав судебной коллегии весьма различен. Волостные мужи присутствуют на суде не во всех случаях; иногда наряду с ними в суде участвуют местные феодалы — дети боярские. Количество судебных мужей также весьма различно — оно колеблется от 3—4 до 17. На этот счет не существует, видимо, какой-либо общей нормы.

При всей пестроте приведенных выше случаев, из них, как нам кажется, можно сделать два вывода: во-первых, институт волостных мужей был важным элементом суда о землях; во-вторых, этот элемент существовал рядом и отчасти перебивался другими элементами феодально-вотчинного и приказного харак-

⁸¹ АСЭИ, т. I, № 430.

⁸² Там же, № 571.

⁸³ Там же, № 628.

⁸⁴ См.: Шумаков. Обзор, вып. IV, № 847. — «Приказный» характер суда отметил С. Б. Веселовский в комментариях к акту № 628.

⁸⁵ АФЭХ, ч. I, № 125.

⁸⁶ Там же, № 140.

тера. Во всех перечисленных выше случаях органы волости — «мужи волостные», или «становичи», старосты, сотские, десятские и разметчики выступают представителями основной массы волостных людей — «христиан великого князя», т. е. собственно волостных элементов, живущих на территории волости.

Наряду с такими органами на территории волости действуют власти, назначенные великим князем и охраняющие интересы двorca. В административно-судебном отношении волость подчинена волостелю. Однако не видно, чтобы волостель распоряжался землею волости. В земельных актах он упоминается только один раз: это волостель гавинский, князь Семен Александрович, «доложа» которого был сделан разезд Гавинской волости с владениями Троице-Сергиева монастыря.⁸⁷ Волостель был, по-видимому, властью, стоящей не только над волостью, но и над иными феодальными землями. Кормленщик, назначаемый на ограниченный срок, он, естественно, чужд поземельных интересов волости, представляя собою главным образом судебную инстанцию.

Совершенно другую роль играет в волости дворский.

Дворский Михайловского стана в 90-х годах М. Онцыфоров — «человек добрый», волостной. Так его назвал истец поп Григорий, так его назвал и судья.⁸⁸ Осташ Тиманов, «старый дворский» в Мишутинской волости 90-х годов, назван вторым из шести знахорей — людей великого князя старожильцов. Стоя на суде рядом с Трофимом Александровым, сыном бывшего жильца одной из запустевших волостных деревень, Осташ полностью присоединяется к его показаниям: «А мы, господине, яз, Трофимко, да яз, Осташ ... помним за семьдесят лет...».⁸⁹ Таким образом, как старожилец — житель волости дворский отчасти сливается с толпой волостных людей великого князя. В этом отношении он очень похож на волостных должностных лиц — старосту и сотника. Похож он на них и в другом отношении: как и староста и сотский, дворский «стоит» за тяглые и великого князя земли. Уведомляя «дворского и всех христиан Мишутинской волости о пожаловании истопника Антона Гладкого деревней в волости, великий князь возлагает на них ответственность за тяглые земли: «...и вы б все за те мои земли с Гладким стояли».⁹⁰ Дворский Степанко Куначин энергично взялся за свои обязанности: он отказал в волость монастырского крестьянина Кобцова с его деревней на спорной с монастырем земле. «Да и десятин, господине, мне дворской на мона-

⁸⁷ АСЭИ, т. I, № 544.

⁸⁸ Там же, № 582.

⁸⁹ Там же, № 571.

⁹⁰ Там же.

стырь не велел пахати, и яз ... от тех мест и не пашу десятин», — заявил Кобцов на суде.⁹¹ «Старый дворский» Останя где-то в Кистемском стану в 60—70-х годах тоже деятельно «стоял» за тяглые земли великого князя. Несмотря на то что «дворское» уже 4 года было не за ним, а за Митей, Останя проявил живой интерес к земельной тяжбе некоего Андрона с попом Сидором и разоблачил перед судьей Андрона, самовольно распорядившегося тяглой землей. В результате Андрон и его родичи «земель великого князя дворскому Остане отступились».⁹²

Наконец, еще в одном аспекте функции дворского близки к функциям волостных должностных людей. Во второй четверти XV в. великий князь Василий Васильевич обратился с грамотой в Аргуново к «дворскому и всем волостным людям»: «... и вы на... людей монастырских разметов не мечите...».⁹³ На эту грамоту очень похожа другая — 60—80-х годов, только место дворского во второй грамоте занимает староста аргуновский.⁹⁴

Таким образом, дворский в волости Переяславского уезда — местный волостной человек, функции которого как представителя княжеской власти так тесно переплетены с функциями старосты и сотского — представителей волости, что временами их трудно разграничить. Между дворским, с одной стороны, и старостой и сотским, с другой, сохраняется, однако, основное принципиальное различие. Староста и сотский — власти, соответствующие «черным людям» княжеских духовных и договорных грамот и «волостным христианам» наших актов. Дворский — власть, соответствующая слугам великого князя на земле, особым специфическим интересам князя в волости. Общей тенденцией исторического развития было, по-видимому, расширение сферы этих интересов и соответственно сферы деятельности дворского. Б. Д. Греков, комментируя действия «старого дворского» Остани, справедливо отметил «большую осведомленность дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за двором в деревнях».⁹⁵ Само тесное слияние функций дворского и сотского свидетельствует о том, как глубоко и остро — в лице дворского — проникли в волость интересы и влияние великого князя, его дворцовой администрации и его хозяйства. Классическая формула княжеских духовных и докончаний: «а которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди

⁹¹ Там же, № 628.

⁹² Там же, № 326.

⁹³ Там же, № 156.

⁹⁴ Там же, № 332.

⁹⁵ Б. Д. Греков, ук. соч., кн. I, стр. 524, примечание.

к сотником...» — в переяславской волости XV в. уже не совсем соответствовала действительному положению дел.

Степень подчинения волости дворцовому хозяйству была, по-видимому, различной в разных волостях. В Аргуновской волости дворский перемежается со старостой; в Мишутинской — с сотником, но в этой волости в конце периода видна большая и активная роль дворского, не ограничивающаяся наблюдением за землями слуг; на Бармазове такую же роль играет сотник; дворского там в конце века не видно, но разводы бармазовских земель делаются не иначе, как по слову великого князя и лицами, назначенными великим князем. В отличие от Бармазовской волости, в волости Гавинской разъезд делает «за всю волость» десятский, но с доклада волостелю; инициатива развода здесь, по-видимому, принадлежит волостным людям. В Ивашовом Углу в 60—70-х годах распоряжается посельский великого князя; может быть, Ивашов Угол ближе других переяславских волостей подошел по типу к кинельским селам великой княгини Софьи Витовтовны, в которых живут «христиане серебряники» и страдники.⁹⁶ Дворецкий великого князя судит суд об Аргуновской волости и держит в поле зрения Бармазовскую.

Представление о том, что волости Переяславского уезда в разной степени подчинялись дворцу, нам кажется вполне естественным. Однако состояние материала не позволяет сгруппировать волости по признаку степени их окняжения: для этой попытки наши сведения слишком отрывочны и случайны.

На суде 90-х годов крестьяне-старожильцы Мишутинской волости так рассказывают о судьбе селищ по р. Вели, спорных с Троице-Сергиевым монастырем: «...жили на тех селищах крестьяне за великим князем, а те деревни запустели от ратных людей и от разбоев, а от тех мест на тех селищах люди не жили. А после того учали пахати наездом за пусто монастырские, а не ведаем, почему».⁹⁷ Эту же версию истории селищ крестьяне повторили через 7 лет — на суде писца князя В. И. Голенина: «...пахали те земли на монастырь от булгаковщины,⁹⁸ а тому лет с шестьдесят».⁹⁹ Запустение волостных селищ и их захват монастырем крестьяне ставят в прямую зависимость от феодальной войны 30—40-х годов. На первом из указанных про-

⁹⁶ ДДГ, № 57. — Этому соответствует давнее проникновение в Ивашов Угол дворового княжого элемента — еще до «великого мору» там живет на селище слуга великого князя Исак, «а тянет к Ивашову Углу».

⁹⁷ АСЭИ, т. I, № 571. — Об этих селищах см. выше, стр. 230.

⁹⁸ Видимо, имеются в виду усьобицы 30—40-х годов (ср.: «булга» — тревога, «булгачить» — тревожить. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 193). Такого же мнения придерживаются издатели АСЭИ (т. I, стр. 741).

⁹⁹ АСЭИ, I, № 628.

цессов монастырская сторона не нашла, что ответить мишутинским крестьянам. Посельский старец Маркел откровенно признался: «... крепостей, господине, у нас на те земли нет никаких, не ведаем, кто будет те селища дал монастырю». Его знахори — монастырские бебяковские крестьяне — ограничились констатацией факта: «пахали, господине, те селища отцы наши от игумена от Никона, а после отцов своих пашем те селища мы сорок лет» (что в общих чертах совпадает и с показаниями мишутинских старожильцев). На втором суде, первых лет XVI в., трицкий старец Гаврило Напольский представил список с данной грамоты Василия Борисовича (вероятно, радонежского боярина Копнина) на спорные селища (времен игумена Саввы, 1428—1432). Крестьяне Мишутинской волости, однако, решительно отвергли этот документ: «А тот, господине, список живой, и писаны в том списке земли волостные великого князя».¹⁰⁰

Ни список с таинственной грамоты, ни показания монастырских старожильцев не опровергают основного факта в истории селищ накануне их освоения монастырем — их запустения. Именно это запустение привело, по-видимому, к тому, что селища оказались в пользовании монастырских крестьян. Как это случилось: была ли при этом промежуточная инстанция в виде светского вотчинника, позарившегося на пустующие земли, но

¹⁰⁰ АСЭИ, т. 1, № 628. — Происхождение списка, действительно, вызывает сомнения. Списки с данной грамоты Василия Борисовича известны в двух вариантах: в копиях книг (АСЭИ, т. 1, № 61) и в упомянутом акте. В своих существенных чертах оба варианта вполне аналогичны, но в АСЭИ (т. 1, № 628) нет имен послухов и писца, добавлена фамилия дьяка. Сама грамота не сохранилась. Странными представляются следующие обстоятельства: 1) за 7 лет до появления списка на процессе монастырский поселковый — лицо, как правило, хорошо осведомленное — ничего не знал о существовании каких-либо крепостей на спорные селища; 2) в приписке к списку говорится о суде келаря Логина с мишутинскими крестьянами о спорных землях, решенном в пользу монастыря: об этом суде тоже ничего не знают ни монастырский поселковый, ни монастырские крестьяне; 3) список, представленный старцем Гаврилой, написан и заверен дьяком Кобяком, по-видимому, совсем недавно, специально для этого процесса; однако Кобяк уже успел «утерять» подлинные грамоты, как он объяснил это судье. Подлинник грамоты, действительно, не сохранился. Но соответствовал ли он известным нам спискам? По свидетельству А. Горского, в кормовой книге монастыря 1593 г. есть запись: «Село Бебяково, а к селу сел и деревень 10 ... а дали то село Борис да Василей» (А. Горский. Историческое описание Троице-Сергиевой лавры, ч. II. М., 1890, стр. 50). Данная на с. Бебяково не дошла ни в подлиннике, ни в списке. Права монастыря на это село, насколько известно, никто не оспаривал. Не исключена возможность, что трицкие власти или дьяк Кобяк подделали фактически существовавшую данную на Бебяково, вписав в нее спорные селища вместо названия села, после чего грамота была уничтожена, а списки с нее вошли в копиях книг.

не сумевшего их освоить, или же крестьяне соседнего монастырского села без особых формальностей стали распахивать пустоши (в чем, в сущности, согласны все участники обоих процессов с обеих сторон, за исключением старца Напольского), — существа дела не меняет.

Похожую картину в другой части уезда рисует судное дело 70—80-х годов:¹⁰¹ крестьянин великого князя Малах Бараш (с Ивашова Угла) помнит «от Едигеевой рати», «что те селища Алтыново и Дубровка — земли великого князя, а пахал ... то селище Алтыновское суконник Алтын из города ис Переяславля, а опосле Алтына на том селище на Алтынове жил князя великого слуга Исак, а тянул к Ивашову Углу». Четыре других старожилца, помнящих «от великого мору», ни Алтына, ни Исака уже не помнят, и могут только в общей форме подтвердить, «что те селища ... земли великого князя, а тянули к Ивашову Углу, а лежат пусты». Противная стороны — крестьяне села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря — утверждают, что спорные земли «пахали, господине, отцы наши, живучи в том монастырском селе на Милятине, а опосле ... отцов наших ... мы пашем, живучи на Милятине ж лет с сорок». «Сорок лет» для акта 70—80-х годов — это 30—40-е годы. «Отцы», следовательно, могли пахать с 10—20-х годов — как раз примерно от «великого мору», после которого неизвестны ни Исак, ни Алтын, а «земли великого князя» «лежат пусты».

Таким образом и здесь, по-видимому, — факт освоения монастырскими людьми волостной земли, запустевшей во времена Едигеевой рати или «великого мору». Нечто похожее — и в бортной волости.¹⁰² «Яз, господине... помню до Едигеевы рати за десять лет, тут... жил на том селище Ивашко Лапоть, а тянул ... к Ехтову», — дает свои показания старейший из знахорей — пономарь Окиш. Его более молодые товарищи Лаптя уже не помнят: они только знают «кое то земля великой княгини бортная». Монастырская сторона утверждает, что спорное селище — уже, по-видимому, пустое — попало в руки монастыря вместе с дер. Феденинской 30-х годов по вкладу боярина Лыкова. Двое монастырских крестьян заявляют, что они жили в этой деревне еще при боярине 10 лет и то селище пахали. Если они говорят правду, то селище распахивалось из деревни уже с 20-х годов, т. е. как раз с годов «великой меженины». Таким образом, уже к этому вре-

¹⁰¹ АФЭХ, ч. I, № 125.

¹⁰² АСЭИ, т. I, № 340.

мени селище запустело, и исчез его жилец Ивашко Лапоть, давший ему имя.

Приведенные примеры, как нам кажется, свидетельствуют о том, что фактический захват запустевших волостных земель крестьянами соседних феодальных вотчин был частым явлением, особенно в первой половине века, богатой социальными и стихийными бедствиями. При этом для истории волостных земель важно не то, что во время этих бедствий исчезали жильцы одноворных деревенок, а то, что волость не могла сохранить эти запустевшие деревеньки за собой. Это объясняется, вероятно, сильным запустением самой волости во времена феодальной войны 30—40-х годов. Проходя по переяславским волостям с их негустым и нечастым населением, каждая крупная «рять» или «меженина» оставляла за собою широкую полосу обезлюдившей земли, которую не могли освоить уцелевшие волощане. Запустевшие земли, преимущественно на окраинах волости, становятся легкой добычей того, кто был экономически сильнее и быстрее оправлялся от кризиса, — а таким является феодал, в первую очередь крупный монастырь, с его богатой казной, широким иммунитетом и религиозно-нравственным авторитетом, благодаря которым он меньше страдает во время какой-нибудь очередной «булгаковщины».

Однако еще большее значение, чем последствия более или менее внешних и эпизодических катастроф, для судьбы волости имела повседневная, непрерывная работа сил, разлагавших ее изнутри и давивших на нее снаружи. Еще при игумене Никоне (1392—1427) Троице-Сергиев монастырь приобрел за крупную сумму у некоего Дубровы Раменьева большой кусок земли на границе с Бармазовской волостью.¹⁰³ Кто такой этот Дуброва — неизвестно, но важно отметить, что теперь троицкая вотчина придвинулась вплотную к землям Бармазовской волости и что соседи ее теперь живут на волостной земле. Не прошло и двух десятков лет, как акт зафиксировал переход в руки монастыря владения одного из этих новых соседей. Иван Пента (упоминаемый в качестве соседа во всех трех вариантах купчей Дубровы Раменьева), продал троицкому чернецу два селища с лесом — Поддыбскую и Черньцу, «куда его топор ходил, куда его коса ходила».¹⁰⁴ Судя по цене сделки (100 алт.) и по характеру упоминания о селищах, это запустевшие деревни волостных людей, каким-то образом оказавшиеся в руках Пенты, который их не пахал, а использовал в качестве угодий.

Примерно к этому же времени относится вклад в Троице-

¹⁰³ Там же, №№ 18, 19, 20. — О местоположении купли см. выше, стр. 240.

¹⁰⁴ АСЭИ, т. I, № 143.

Сергиев монастырь некоего Матвея Лукина: «пустошь на Бармазове» и четыре селища с лесом, тянущие к этой пустоши.¹⁰⁵ Матвей Лукин приводился выше в качестве примера волостного владельца некрестьянского типа — владельца по крайней мере нескольких деревень. Сейчас важно отметить, что этот владелец появляется перед нами именно в момент отчуждения им своих земель в пользу монастыря-феодала. Именно такие элементы, в социально-экономическом отношении уже отошедшие от волости (хотя и сохранившие, может быть, юридическую связь с нею), и являются, вероятно, в первую очередь движущими силами ее разложения.

Из документа первого десятилетия XVI в. известно, что дер. Подбережская, на которую претендует сотник Бармазовской волости Окул, говоря, что в ней жил «слуга бронной» В. Родионов, в действительности еще в 60—70-х годах дана в Троице-Сергиев монастырь переяславским протопопом Семёном.¹⁰⁶ Как могла оказаться в руках протопопа волостная деревня? Вероятно, тоже путем отчуждения волостным жителем, может быть тем же «слугой бронным», воспользовавшимся тем, что «та земля» за ним «в книгах» Степана Бородатого «не писана».

В середине 70-х годов келарь Троице-Сергиева монастыря Савва тягался с мишутинским сотником Малыгой о земле селища Кровопусковского.¹⁰⁷ Келарь предъявил судье купчую на спорную землю у А. Савватыева, «где то селище именем писано». Действительно, в купчей Савватыева, относящейся, по видимому, к 50-м годам, селище Кровопусковское названо вместе с двумя другими, тянущими к земле савватыевской — вотчине продавца. Но в этой грамоте есть еще одно важное указание: Андрейка Савватыев, написавший купчую «своею рукою», бил челом великому князю, «рекши: купил у него Логин (келарь Троицкого монастыря, — Ю. А.) ту землю сильно за ... приставом великого князя». Хотя истец «на келаря в том не довел ничем» и проиграл дело, это обращение к суду после совершения сделки представляет интерес. Ввиду того, что история покупки земли у Савватыева вообще довольно темная, не исключена возможность, что селище Кровопусковское, на которое претендует волость, — волостная земля, попавшая в купчую вследствие каких-то злоупотреблений монастырских властей или самого Савватыева.

Приведенные примеры, несмотря на то, что они немногочисленны в актовом материале и не всегда ясны, позволяют все же

¹⁰⁵ Там же, № 162.

¹⁰⁶ Там же, № 641.

¹⁰⁷ Там же, № 430.

установить один из путей утраты волостью ее земель. Этот путь — отчуждение земель, принадлежащих волости, на сторону, не волостным людям, причем особенно тяжелые последствия для волости должно было иметь отчуждение в пользу привилегированного и сильного владельца — феодала, в первую очередь монастыря: земля или угодье, попав в руки феодала, превращается в его неприкосновенную собственность и полностью теряет связи с волостью. Такое же примерно значение имели и размежевания волостных и феодальных земель и угодий, в особенности лесов, производившиеся во второй половине XV в. по инициативе княжой власти.¹⁰⁸ В большинстве случаев поводом к разъезду — разводу бывали жалобы монастырских властей на волостных людей, пользующихся монастырскими угодьями. В Кинеле троицкие власти жалуются, что площевичи у них лес секут «за межу» и «без доклада». В районе больших лесов, примыкающих к переяславскому Усолю, троицкие старцы непрерывно жалуются на обиды: у них «секут лес к городу к Переяславлю», «в те ... леса езда секут лес боярские люди и волостные без их доклада»¹⁰⁹ и т. п. На жалобы старцев великокняжеская власть отвечала разъездами земель (только в Бармазовской волости за последнюю треть века, по нашим данным не полным данным, известны разъезды И. Харламова, В. Карамышева, В. Чубарова, И. Яковля); назначением данного пристава и тяжелым штрафованием виновных. Однако само частое повторение разъездов и угроз по адресу нарушителей монастырской собственности (с повышением штрафа с 1 руб. в 1485 г. до 2 руб. в 1490 г.) свидетельствует о том, что волостные люди продолжали пользоваться лесом феодала. Нам кажется, что сущность этого явления — реализация претензий крестьян на бывшее волостное или никем не занятое угодье, превратившееся теперь в феодальную собственность. Проникновение феодала с его иммунитетом и прочими привилегиями в какое-либо угодье рано или поздно делает угодье исключительной собственностью феодала, что и оформляется актом размежевания. Превращая прежние спорные волостные или совместно используемые угодья в бесспорную и неприкосновенную собственность феодала-иммуниста, размежевания являются, таким образом, одним из путей утраты волостью ее территории.

* * *

Итоги наблюдений над волостью в актовом материале XV в. можно кратко сформулировать следующим образом.

¹⁰⁸ Там же, №№ 328, 330, 421, 422, 545 и др.

¹⁰⁹ Там же, №№ 469, 512, 548.

Волость Переяславского уезда представляет собой в изучаемое время сложный организм, в котором элементы собственно волостные, т. е. крестьянские, переплетаются и частично смешиваются с элементами инородными в лице княжих слуг, а также с такими элементами, которые, будучи, может быть, волостными по своему происхождению, стремятся выйти из состава волости. Эти разнородные элементы объединяются до известной степени сходными социально-экономическими условиями (мелкое хозяйство) и отсутствием привилегий (в широком смысле «черные» люди, в отличие от феодалов). Судьба волости определяется соотношением этих элементов. Усиленное проникновение на территорию волости княжих слуг ведет к превращению ее в княжое дворцовое хозяйство — частную собственность государя-феодала; отчуждение волостных земель на сторону и захват земель и угодий соседями-феодалами грозит полным исчезновением волости. Социальные потрясения первой половины XV в. привели к ослаблению волости и к сокращению ее территории; эти потрясения обострили и ускорили процесс феодализации волостной земли. Во второй половине века, в условиях относительной политической и экономической стабилизации, волость упорно борется за свои земли и угодья с соседями-феодалами и в то же время, по-видимому, в возрастающей степени подпадает под влияние двorca. Сужение функций волостной администрации и частичное смешивание ее с дворцовой и раздача волостных земель княжим слугам — нарастающие признаки превращения черной волости в дворцовую; но несмотря на это, к моменту образования централизованного государства в Северо-Восточной Руси волость — даже в одном из центральных и издавна феодализируемых уездов — сохранила еще значительный удельный вес.

Актовый материал XV в., дошедший почти исключительно в составе монастырских архивов, позволяет, таким образом, проследить некоторые черты современной ему волости. Оценивая выводы, которые можно сделать на основании этого материала, необходимо еще раз подчеркнуть односторонний характер монастырского собрания актов. В силу этой односторонности, определяющейся интересами феодала — владельца архива, история волости получила в актовом материале, надо полагать, далеко не адекватное отражение. То, что иногда лишь просвечивает на страницах монастырских актов в виде смутных и неопределенных отрывков (заставляя прибегать к более или менее рискованным гипотетическим построениям гораздо чаще, чем бы этого хотелось), в живой исторической действительности имело характер широких и сложных социально-экономических явлений, во многом определявших судьбы и русской волости, и русского феодализма.